

И. А. ПЛОСКОВ (Сыктывкар)

КОМИ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ

1. *пӧлудь, пӧлӧзьнича* и их варианты

В ССКЗД отмечается: *пӧлудь* — в верхневычегодском диалекте — дух в образе женщины, живущей в несжатой полосе ржи (298). Встречаются также названия *сю пӧлудь* (*сю* 'рожь') (Фольклор 21), *пӧлӧзьнича* < рус. (Лыткин 1955 : 116), *пӧлӧзнича* и др.; Ю. В. Гагарин писал об этом коми мифологическом персонаже: «Пӧлӧзнича — хранительница ржи (иногда этого духа называют *пӧлудь-айка*), наказывавшая людей за работу на поле в полуденное время, является ... не чем иным, как русской полудницей, проникшей в коми верования с развитием земледелия и христианизацией» (1978 : 36). А. В. Красов приводил название *пӧлудь-айка* (1896 : 65). По мнению Ф. В. Плесовского, персонаж с названием *пӧлудь-айка* (*ай* 'самец, отец'; диал. *айка* 'злой дух, сверхъестественное существо') появился позднее (1972 : 37). (К примеру, *гидня-айка* 'дух хлева' (Семенов 1991 : 77)). По П. Доронину, *Пӧлуднича* — это дух-покровитель, охранитель посевов и полей (Доронин 1—2).

Известны соответствующие (по значению) славянские названия — *ржаница* и др. (Мифы 322). У северных коми, очевидно, могло быть основание и для заимствования. В близкородственном удмуртском языке, к примеру, сохранилось слово *зегенай*. По Р. Г. Ахметьянову, *зегенай* (*зег анай* < *рудзег анай*) 'мать ржи; спорынья (как отметинка матери ржаного поля)' (1981 : 9). Слова *рудзӧг, рудзег* 'рожь' известны во многих коми диалектах (ССКЗД 324).

Интересны в связи с приведенными наименованиями также названия полевого цветка — *пӧлӧзьнича* (в присыктывкарском, среднесысольском диалектах) и *пӧлудьсин* (в верхневычегодском диалекте) 'василек синий' (ССКЗД 298); *Пӧлудьсин* 'глаз Пӧлудь' (*син* 'глаз'). Очевидно, связь персонажа с растением восходит к архаической мифологии: «Все растительное царство представлялось ... человеку воплощением стихийных духов» (Афанасьев 1982 : 347, 445). В литературе зафиксированы и иные названия упомянутого цветка — нв. *бырилӱли*, кч. *гижанча́ча*, и. *ӧзимча́ча*, кя. *вэ́силӱок*, л. (с. Ношуль) *лӧзча́ча*, лет. (д. Бебера) *лӧзчвэ́тки* 'василек' (Лыткин 1955 : 95, 116). Среди этих примеров исследователи также выделяют некоторые заимствования (Лыткин 1955 : 116).

О славянской «полуднице» отмечается: «Дух в облике страшной или, наоборот, очень красивой женщины, появляющейся на полях в полдень во время цветения или созревания хлебов, охраняющий посевы, вредоносный по от-

ношению к детям» (Черепанова 1983 : 37). О. А. Черепанова упоминает и «полуденника»: «дух, который может забраться в оставленную открытой колыбель и причинить вред ребенку (Волог.)», при этом на Севере связь персонажа с полднем осознается теперь лишь через название (1983 : 37).

В удмуртском материале наличествовали представления об особом Солнцебоге, интересные в данном контексте: «Наступит летнее солнцестояние, Ин-вожо-дыр, буквально «при молодости небес». Небо представляется в это время в полной силе, и является страх быть неугодным Солнцебогу» (Рукопись 5). О различных представлениях зырян о солнце — «Солнце — благодетельный бог»; «Солнце является судьей умерших», — писал А. Грен (1922 : 2).

Среди описываемых Ф. В. Плесовским различных женских образов у финно-угорских народов тоже есть *пöлбзнича*: «Мордва вплоть до XX века знала женское божество Анге-Патяй, роль которой в какой-то мере сходна с ролью коми-пермяцкой Вуншериха, коми-зырянской Пöлбзнича (от рус. Полудница), на место которой ... заступил Пöлудь айка» (1972 : 37). Ср. коми *Пöлудь Мам* (Доронин 1—2); коми *пöлудь* — дух в образе женщины; удм. *зеганай* 'мать ржи' и др.

Таким образом, *пöлудь* (усеченная форма), а также *пöлбзнича* так или иначе связаны с заимствованием (рус. *полудница*). Своеобразно приведенное наименование *Пöлудь-айка* (очевидно, определенное архаическое оформление лексемы; ср. коми фольк. *Кöрт-айка*, *Гидня-айка* и др.). Региональное коми *сю пöлудь* семантически явно сопоставимо с коми *Пуншöрика* (вариант — *Вуншериха*) 'женщина, живущая в поле'; она может быть (спать) во ржи (Оласö да вöласö 306—307). При этом последний образ семантически связан с полднем (коми *лун шöр* 'полдень'). Воплощение в полевом цветке (*пöлбзнича*, *пöлудьсин*) упоминаемого женского образа (духа) также восходит к архаическим («земледельческим») представлениям коми.

2. *шыликун* и его варианты

В нижневычегодском диалекте коми языка зафиксировано *шыликун койд* 'как ряженный' (ССКЗД 440).

Коми-пермяки (язвинцы) называли водяного *шулейкин* (Белицер 1958 : 319). Название было отмечено, очевидно, и у удмуртов — персонажи при этом характеризовались как темные силы, мелкая нечисть, выходящая из воды — шиликуны, черти, вожояс (Рукопись 5). А. Ф. Теплоухов упоминал веру в шиликунов, распространенную среди русских в Соликамском и Пермском уездах; в Вельском уезде зафиксирован вариант *шуликаны* (1925 : 94). Это название есть в рукописных материалах (карточках) «Словаря пермского говора»: «Шиликуны — святочные духи, воображаемые ворожившими на улице за производителей всякого шума, они ... ездят с сеном или катаются в саянях» (Словарь 1176). Известно рус. диал. (олонецкое) *шулуган* 'шалун, повеса' (Фасмер 1973 : 484—485).

Д. К. Зеленин о соседних русских (вятских и вологодских) народных представлениях писал: «Перед Крещеньем шиликуны выбирают из воды и селятся в безопасных местах: если хозяйка не запасается крестами из хлеба и не разложит их по разным местам дома, то шиликуны поселятся в том доме непременно, и тогда выгнать их можно будет только знахарю» (1912 : 24). В связи с рассматриваемыми названиями можно упомянуть и русскую (архангельскую) фамилию *Шулуванов* (из записей автора).

О. А. Черепанова между прочим пишет об образах *шишкун* и *шуликун* в

Сибири: «Шишкунами называли «нечистых» в виде маленьких людей на конских ногах ... для которых на Севере обычным являлось наименование шуликуны» (1983 : 136). Она же отмечает: «На крещенье появляются шуликуны (Арх., Волог., Олон.), они же — шоблышны (Арх.)» (Черепанова 1983 : 38); при этом обращается внимание на вологодское наименование *шулыкан* (*шулыканы*) и соответствующие представления, связанные с образом кикиморы, которая на святки рождает детей: «Новорожденные вылетают в трубу на улицу, где и живут до крещения, — это шулыканы» (Черепанова 1983 : 125).

С. Е. Никитина пишет о «ряжении» (связанном с названными персонажами): «В сильно редуцированном виде оно (ряжение — И. П.) сохранилось до сих пор. Как и на русском Севере, ряженных и чертей называют одним словом — шуликаны» (1982 : 100). Встречались соответствующие варианты наименования и в русских говорах. Вопрос о заимствовании, в частности, изучал Р. Г. Ахметьянов. Он считает, что коми *шулейкин* заимствовано из Поволжья, а рус. *шиликун*, *шуликун*, в свою очередь, заимствованы у коми (1981 : 60). Он же отмечает, что есть «татарское диалектное и башкирское *шулген* — злой дух, один из двух сыновей первочеловека, впоследствии подводный царь ...; слова *шулейкин* — *шулген* — *шиликун* ..., по всей вероятности, являются звеньями одной цепи. Есть основания полагать, что это слово имеет монгольско-китайское происхождение: *шуликун* и *шуй-лун-хуан* имеют общие дистинктивные признаки, а именно — связь с новогодними обрядами» (Ахметьянов 1981 : 58—59).

В данном контексте интересен и несколько иной коми-пермяцкий материал — о чуди (Кривошекова-Гантман 1974 : 136—137). Известно коми-пермяцкое наименование «чудов» — *чучкан*, явно созвучное наименованию *шулыкан*. (У коми-пермяков также имеется *шулькун* 'кульпийан, тысь куль' (Оласо да вӧласо : 344, 357); при этом комиЗ *кульпиян* 'чертенята' (известное наименование)). В «Примечаниях» к сборнику «Великорусские сказки Вятской губернии» (1915 г.) указывается: «Чучка — представитель вымершей народности, жившей прежде, по народным преданиям, на северо-востоке ... Вятской губернии» (Великорусские сказки : 546). Чучка (по вятской, и, как отмечено, «инородческой» сказке) обитает в избушке «на курьих ножках» (Великорусские сказки : 432—434). Здесь имеют место различные заимствования и сказочно-мифологические трансформации.

Коми (летское) слово *тырлыган* 'повеса, шалун' тоже имеет не только формальное сходство с упоминаемым рус. *шулуган* 'шалун, повеса'. В Летке зафиксировано и *шӧлванитны* 'бездельничать'; *шӧлван* 'бездельник' (из записей автора).

Таким образом, для достаточно большого региона характерно распространение слов: комиЗ *шыликун*, комиЯ *шулейкин*, при наличии южнокоми *шӧлван* 'бездельник'; комиП *шулькун*; рус. (обл. перм.) *шиликуны*; наименования в различных русских областях — *шуликаны*, *шуликуны*, *шулыканы*, *шоблышны* и др. (при наличии *шулуган* 'шалун, повеса'); тат., башк. *шулген* 'злой дух; подводный царь' и пр.

Утверждение о том, что коми заимствовали у тюркских народов подобное название, вполне приемлемо. Однако следует отметить, что у многих северных групп коми-зырян рассматриваемое наименование (кроме *шыликун* 'ряженный' у нижевычегодских коми; *шӧлван* 'шалун, повеса' у летских коми) утеряно или трансформировано. В то же время оно известно на юге — у коми-пермяков (*шулькун*). Распространен ряд подобных наименований у русских — в Прикамье, на русском Севере. В таком случае, коми

шыликун 'ряженный', *шӧлӧван* 'шалун, повеса' (не включаем в этот ряд своеобразные коми *шулейкин*) сохранились, возможно, благодаря определенным взаимосвязям некоторых (в частности, «пограничных») коми регионов, культурных традиций с севернорусскими уже в более поздний период.

3. *рамань*. Семантика и соотносимые образы

В ССКЗД отмечается: лет. *рамань* 'бука'; совпадает по значению с *бубыля*, *бубуля* других диалектов (ССКЗД 28). У летских коми *рамань* известно не только в Гурьевке (как указано в ССКЗД), но и в других населенных пунктах (Плосков 1989 : 65—66). По летским представлениям, *рамань* живет за печкой, он черный, мохнатый; информаторы уточняют, что это не домовый (из записей автора). Наименование *рамань* относится к детскому коми фольклору и в последнее время признается «персонажем-устрашителем».

Ближайшая к летскому региону Средняя Сысола, в частности, также располагает лексикой, интересной в данном контексте: *Рӧман* (детск.) 'сон' (очевидно, имеющий связь с указанными представлениями), а также (очевидно, более отдаленное): *Ромны* 'остаться незаконченным, недоделанным'; *туруныс ромис вайтӧмысла* 'сено осталось непривезенным' (Колегова, Бараксанов 1980 : 159—160). В коми детском фольклоре наличествует и соответствующий персонаж *гӧбӧч айка* (*гэбэч айка*) (Рочев 1979 : 219). Функционально он тоже соотносим с рассматриваемым *рамань*. По П. Доронину, *Гӧбӧч Айка* или *Лысув* (*Лӧсув*) *Дед* — дух, пребывающий около печки, или в голбце; функции и черты его уже позабыты; его именем обычно пугают детей за шалости в избе (Доронин 1—2). В русском фольклорно-мифологическом материале соответствующий образ — *рохля* — персонаж устрашения детей, обитающий в подполье (Черепанова 1983 : 110).

В данном контексте интересна с точки зрения формы слова лексема *горань* (ср. *рамань*). И. А. Куратов писал, что *горань* — это игра в жмурки; буквально: искусство скрывать звук и тем самым приводить субъекта, у которого завязаны глаза, в полное замешательство (Куратов 1939 : 104). *Горань* тоже относится к детскому репертуару, интересному как в аспекте фольклора, так и в аспекте языка.

Как отмечают этимологи, *аня-*, *ань-* 'женщина' в составе сложных слов часто употребляется в уменьшительно-ласкательном значении, например *анькытш* 'горох', букв. 'кружочек, шарик'; л. *шомань* 'шавель', букв. 'кисленькое' (*шом* 'кислота'); *кукань* 'теленочек', букв. 'теленочек' (*кук* 'теленочек') (КЭСК Доп. 7); ср. также *рамань*.

Очевидно, при соотносении указанной мифологической семантики можно говорить о возможных вариантах *рам-*, *рӧм-*, а также о вариациях *-ань*, *-ан* (при наличии *рамань*, *рӧман* — у южных соседних, летских и среднесыольских, коми). На это указывают и зафиксированные у южных коми диалектные слова и выражения: пр. *раман'* : *раман'нас'* *кутӧнӧ*, лет. *раман'нас'* *кыйӧнӧ* (детское) 'клонит ко сну; спать хочется' (Жилина 1985 : 218).

4. *мути*, *мутибес*

Встречаются коми мифологические наименования «Мутияс или Мути Бесъяс — злые духи без определенной функции ..., вредящие человеку и вызывающие ... различные соблазны» (Доронин 1—2). Исследователи указывают: *мути* 'дух-соблазнитель, бес' (КЭСК 180). Предполагается, что это русское

займствование. Название персонажа могло образоваться при займствовании русского глагола *мутить* (или *мутиться*). Зафиксировано архангельское (обл.) *мутить* 'ссорить, подавать кому какую-либо причину к ссоре с другими'; иногда 'приносить жалобу, неудовольствие за нанесенное оскорбление' (Рукопись I 82).

В коми диалектах зарегистрированы слова пр., сс. *мутитчыны* 'надоедать, мешать', в., иж., нв., уд. *мутитны* 'оклеветать кого-либо; наговорить на кого-либо' (ССКЗД 228—229). По КРС, *мутитны* 'склонить, подтолкнуть (на недоброе); соблазнить, прельстить' (436). В лузском диалекте коми языка отмечается *мутибес* 'нечистая сила, злой дух' (ССКЗД 228). Сложное слово образовано с участием компонентов *мути* и *бес* (< рус.). В других диалектах также зафиксировано *мутивöй* (с тем же значением); есть «ругательное» выражение *мути кольтан* 'смутьян, баламут'. По КРС, *мути, мутивöй* (мифологическое) 'дух-соблазнитель, бес'; ~ *тойыштис* 'бес попутал'; там же *мутили* 'бесенок' (436).

В небольшом рукописном словаре 1835 года значится: *бес* 'бес, демон, шева' (Рукопись II 2). А. В. Красов писал: «Шева значит порча; «шева лэдзны» значит портить, напустить порчу на людей, — свойство, приписываемое зырянами исключительно колдунам и знахарям... Помимо этого, шева, по верованиям зырян, существует еще и как особая субстанция, олицетворенная в образе бабочек... породы жуков, летающих в воздухе и входящих в людей» (1896 : 81). В ССКЗД встречается *васа бес* 'водяной бес', а также *васа* 'водяной, бес' (39) и др. Здесь имеет место наслоение христианских (более поздних) представлений на древние, языческие.

Очевидно, по своему происхождению *мути* является усеченной формой *мутитны* или *мутитчысь* (ср. *мутивöй*). Соответствующая форма в коми языке — наименования *глот*, *глёт* (поглотитель, пожиратель), восходящие к рус. *глотать*, *гловающий* (коми диал. *глётънитны* 'глотнуть, проглотить'; *глоттыны*, *глётитны* 'глотать с жадностью' (ССКЗД 80—81)).

Сокращения

Великорусские сказки — Великорусские сказки Вятской губернии. Сост. Д. К. Зеленин, Петроград 1915; **Доронин** — П. Г. Доронин, Сведения о занятиях, быте и религии коми народа. — Центральный государственный архив Республики Коми, ф. 1346, оп. I, д. 143; **КРС** — Коми-русский словарь. Под ред. В. И. Лыткина, Москва 1961; **КЭСКДоп.** — В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев, Дополнения к КЭСК. — Коми филология, Сыктывкар 1975 (Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, вып. 18); **Мифы** — Мифы народов мира, т. I, Москва 1980; **Оласö да вöласö** — Оласö да вöласö. Сост. В. В. Климов, Кудымкар 1990; **Рукопись** — Статьи об обычаях, привычках вотяков, их языческих религиозных воззрениях, говоре и пословицах. — Государственный архив Кировской области, ф. 170, оп. I, д. 126 (фонды Вятской ученой архивной комиссии); **Рукопись I** — Собрание особенных слов, употребляемых крестьянами Архангельской губернии, уездов Шенкурского и Архангельского. — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), Ф. XVII, 60; **Рукопись II** — Тетрадь книги славянского языка реестра и грамматических самонужных слов. Принадлежит Устькуломского селения крестьянину Прокопию Моисееву сыну (1835 г.). — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), Q. XVI, 24; **Словарь** — Словарь пермского говора. — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), О. XVI, 9.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев А. Н. 1982, Древо жизни, Москва.
- Ахметьянов Р. Г. 1981, Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья, Москва.
- Белицер В. Н. 1958, Очерки по этнографии народов коми. XIX — начало XX в., Москва.
- Гагарин Ю. В. 1978, История религии и атеизма народа коми, Москва.
- Грен А. 1922, Культ солнца у зырян. — Югд туй, № 93, Устьсыольск.
- Жилина Т. И. 1985, Лузско-летский диалект коми языка, Москва.
- Зеленин Д. К. 1912, Материалы для описания Вятской губернии, хранящиеся в Архиве Императорского Русского Географического Общества, Вятка.
- Колегова Н. А., Бараксанов Г. Г. 1980, Среднесыольский диалект коми языка, Москва.
- Красов А. В. 1896, Зыряне и св. Стефан, епископ Пермский, Санкт-Петербург.
- Кривошекова-Гантман А. С. 1974, К проблеме пермской чуди. — Вопросы лингвистического краеведения Прикамья, вып. I, Пермь.
- Куратов И. А. 1939, Лингвистические работы, т. II, Сыктывкар.
- Лыткин В. И. 1955, Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам, Москва.
- Никитина С. Е. 1982, Устная традиция в народной культуре русского населения Верхоямья. — Русские письменные и устные традиции и духовная культура, Москва.
- Плесовский Ф. В. 1972, Космогонические мифы коми и удмуртов. — Этнография и фольклор коми. Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, вып. 13, Сыктывкар.
- Плосков И. А. 1989, Мифологическая лексика в словаре. — Грамматика и лексикография коми языка. Труды Института языка, литературы и истории Коми научно-центра Уральского отделения Российской АН, вып. 46, Сыктывкар.
- Рочев Ю. Г. 1979, Детский фольклор. — История коми литературы. Фольклор, т. I, Сыктывкар.
- Семенов В. А. 1991, Традиционная духовная культура коми-зырян: ритуал и символ, Сыктывкар.
- Теплоухов А. Ф. 1925, Фамилии и географические названия пермяцкого края в этнографическом и историко-географическом отношениях. — Коми му—Зырянский край, № 10 (11), Устьсыольск.
- Фасмер М. 1973, Этимологический словарь русского языка, т. IV, Москва.
- Черепанова О. А. 1983, Мифологическая лексика русского Севера, Ленинград.

I. A. PLOSKOV (Syktyvkar)

MYTHOLOGISCHE BEZEICHNUNGEN IN DER KOMI-SPRACHE

Im vorliegenden Artikel werden die folgenden mythologischen Bezeichnungen dieser Sprache behandelt: *нӧлудь*, *нӧлӧзнича* — Geist, der die Felder und Früchte beschützt; *шыликун* — dunkle Gewalten; verkleidete Geister; *рамань* — Hausgeist; *мути*, *мутибес* — böse Geister.